

— Мне, как и многим людям, очень хорошо запомнилось ваше заявление в дни высылки из страны в 1974 году. Его передавали тогда сквозь глушилки многие радиостанции. «Вынести эту боль дает только вера — мы вернемся. Не знаю, когда и как, но верю твердо». Сейчас, когда предположение сбывается, какие чувства вы испытываете?

— Заявление было сделано здесь, но голос мой звучал уже отсюда. Это было мое прощание, которое я распространила в самиздате за два дня до отъезда.

Тогда это звучало иррационально, но действительно у нас была полная уверенность, что мы вернемся; и сейчас многие говорят, что они запомнили это заявление, но при этом подумали «ну и наивные же люди...». А мы действительно верили. Тверже всех Александр Исаевич. У меня надежда начала пропадать в начале 80-х. Уже шла афганская война. Я чувствовала, как все заеденевает, но он всегда верил, что вернется. Не только книгами, а просто ногами.

— Предчувствие сбывается, слава Богу. А что вы думаете о сегодняшних днях? Были у вас об этом разговоры с А. И.?

— О нынешнем времени мы говорим ежедневно. Чувство такое — коммунизм рухнул, не в том смысле, что его больше нет на нашей земле. Он рухнул, как идея. Даты советского коммунизма будут 1917—1991-й. Так мы думаем, так мы чувствуем. Однако еще долго в среднем звене и по всему пространству страны будет хозяйствовать, не только портить людям жизнь, а просто не давать им идти вперед. Как идея рухнула, как строй, но как реальный образ жизни огромного числа людей, он, конечно, еще будет долго. И годы будут очень тяжелые. Это несомненно. Однако легче, чем раньше. Просто потому, что вектор сменился. Мы все-таки выбираемся из бездны. Вот такой трудный оптимизм у нас.

— Это, пожалуй, общее ощущение, с которым мы все живем — «трудный оптимизм».

— Ну замечательно, потому что все-таки мы далеко в Вермонте, и если оценки совпадают, то нам это радостно.

— Все-таки есть что-то чудесное в самой судьбе Солженицына. Рак, смертельный яд КГБ — все оказалось бессильным, все он переборол. Как вы думаете, а можно надеяться, что во всей стране тоталитаризм удастся перебороть, как удалось Солженицыну перебороть этот смертельный яд?

— Несомненно. Я бы только не называла это тоталитаризмом. Ситуация может обостряться в какие-то моменты, но буквального подавления власти уже нет. И вот вы, и ваша газета — лучшее тому поручительство. Когда есть хотя бы такая, еще не полная, но уже довольно развистая свобода прессы, тоталитаризма быть не может. Нет тотального владения телом и душой граждан. Конечно, в провинции — люди во власти старого гораздо больше, чем здесь, но все равно это уже не тоталитаризм. Так что никаких сомнений, что мы это превозможем, нет. Хотя это будет, возможно, долго и трудно, и Александр Исаевич говорит, что, быть может, он и не доживет до светлых лет России. Ну кто знает?

— Будем все же надеяться, что доживет.

— Будем надеяться. Мы, как нам кажется, здорово видим те тяжести, которые еще будут над нами довлеть.

— Вот уже и назрел вопрос, который напрашивался еще в начале. Как самочувствие Александра Исаевича?

— Хорошее. Для человека, который сначала воевал всю войну, потом пережил тюрьму, лагеря, потом рак, потом единоборство с системой... Для человека с такой судьбой состояние его здоровья почти чудесное; и работоспособность очень высока. Он работает 14 часов в день, почти двойной рабочий день. И так ежедневно.

— Да, в России так работают, увы, немногие. Все больше жалуются на жизнь и трудности бытия. А над чем трудится сейчас А. И.?

— Это и исследовательская работа, и окончание тех вещей, которые были прежде начаты, но не окончены по условиям жизни довольно бурной, с крутыми и недобровольными поворотами. У А. И. есть вещи, которые были начаты и отложены, например, ради «Архипелага». Ряд таких рукописей он должен закончить, и некоторые отточкования от «Красного колеса» сейчас в такой стадии, что бро-

сить их было бы недопустимо. И вот работает каждый день по 14 часов, вот уже много лет. И выдерживает это. Стало быть, здоровье позволяет.

— Я знаю, что и вы участвуете в этой работе.

— Да, нам обоим помогает справиться с горой материала то, что мы оба математики. Потому что материал огромный и, чтобы организовать его и эффективно использовать, надо уметь еще и классифицировать, и положить его на верные места. Даже чисто физически по-лестить.

— Что выходит в печать в результате такой титанической работы?

— Вот выпустили уже 20 томов собрания сочинений А. И. А еще две серии исторических книг. Одну редактирует А. И., а другую курирую я. Это — «Исследования новейшей русской истории», вышло уже 9

лу закона. Что мы за страна! Нет ничего плохого в мире, что бы не переняли мы в наилучшем варианте...

— Есть у меня и другое дело. Я хочу познакомиться с работой литературного представительства Солженицына, которое так добро приютил Дом Марины Цветаевой в Москве. Вот мы с вами сидим в этом прекрасном доме, я тут впервые, и мы очень благодарны музею!

— О семейных делах мы так и не поговорили.

— Со мной приехали три сына, двоих вы вот видели. Ребята взрослые. Как им покажется в России? Для нас это очень важно. Ермолай и Степан не были здесь ни разу. Для них это первое знакомство с Родиной. И это вещь, знаете, таинственная. Конечно, мы их старались выразить русскими, с русским языком, с любовью к русской культуре; но ведь любить не прика-

возвращения, я отвечаю, что была бы счастлива поделиться сроками со всеми, но ответить на это пока не могу не только я, но даже А. И.

— Что значит возвращение для Солженицына?

— Он считает, что этот переезд будет последним в его жизни. Вероятно, он прав. И переезд этот нужно серьезно подготавливать. Ведь за всю его жизнь это будет только второе добровольное и желанное перемещение.

— А каковы были все дру-

гие? — Да почти все — вынужденные или прямо насильственные. Война, тюрьма, лагерь, ссылка, даже две: в 50-е годы, а потом в 70-е. Было у него радостное возвращение из Казахстана в Среднюю Россию в 1956 году. Он ведь с юга, но всегда мечтал жить в Средней России. Я имею в виду, конечно, не простые переезды, смены адресов, но смены состояний. И вот ему теперь предстоит еще одна смена. Счастливая, несмотря на то, что он ясно понимает, как это будет трудно и бытово, и физически. Мы ждем этого, как какого-то внутреннего праздничного свершения.

— Будем надеяться, что так и будет. У нас жизнь трудная, но по-своему интересная.

— У нас она и там интересная: но дело в том, что, пожив в изгнании, увидев на Западе и много замечательного, и вырастив там сыновей, тем не менее вот я вам скажу, что человек должен жить на Родине. Это состояние нормальное, естественное. Если же он уезжает, то уж лучше пусть становится иностранцем.

— До сих пор это никому из писателей не удавалось. Даже Набокову с его «аглицким» воспитанием.

— Мы этого не делали сознательно. И детей старались от этого уберечь. У большинства эмигрантов дети уже иностранцы. Вот наши дети, по счастью, нет.

— У вас есть поблизости православный храм?

— Даже два, но служба в обоих идет на английском языке. Мы единственные русские во всем приходе, кроме семьи священника. Но у нас есть домовая церковь, в которой иногда служат по-русски, но это редко, к сожалению.

— А нам здесь порой кажется, что все идет страшно медленно, какой-то круг безысходности.

— И нам из Вермонта кажется, что все преступно медленно. Годы перестройки — это сухой расстрел страны. Сколько времени потеряно — вообще ее не было, перестройки. Только КГБ перестроилось.

— КГБ перестроилось?!

— Они — «перестроились». Укрепились, усилились, ну приспособились. Так что вообще они страной все еще владеют, конечно.

— Все же какое ваше самое сильное первое впечатление?

— Этот вопрос для меня врасплох, потому что первый момент для меня еще не прошел. Я все еще еду из аэропорта. Что меня действительно поразило — это как раз не перемены, а наоборот, (узнавание). И еще лица. Лица действительно родные. Вот вы не понимаете: 18 лет живешь среди англосаксов. И люди прекрасные вокруг нас в Вермонте, мы с ними дружим. Но здесь, начиная с аэропорта, люди, которых я не знаю, просто вижу в окно — все подряд, ну до чего же родные лица. Милые. Есть и противные, а все равно свои.

— «И дым отечества нам сладок и приятен»?

— Я — среди своих. Это не значит, что я умиляюсь. Я просто говорю, что человек должен жить на Родине. Естественное счастливое состояние — жить там, где прошло детство. Пусть ездить, куда угодно, а жить на Родине.

— Вы ставили кресты, возстановленные на храмах?

— Ну, конечно! Завтра воскресенье, пойдем в церковь на своей земле. Нам есть за что Бога благодарить.

— Я это рассматриваю как чудо.

— Это несомненно чудо, но чудо — есть то, что в жизни все время происходит. И проблема не в том, что чудес нет, а в том, что мы не видим их, занавешиваемся от них.

— Все верили в закономерности, а они оказались выдуманными. А верить то надо было в чудо. Как бы ни сложились события далее, видеть вас на Родине для нас радость.

— А для нас — счастье.

Интервью вел
Константин КЕДРОВ.

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Интервью Натальи Солженицыной
корреспонденту «Известий»

книг. А в серии мемуаров («Все-российская мемуарная библиотека») обо всем страшном, что пережито Россией в этом веке, всего 11 книг, и выходит 12-я.

— И это не устарело. Как ни странно, каждый раз убеждаешься, что население все еще очень плохо представляет глубину и масштабы зверств коммунистического режима. Некоторые все еще думают, что это лишь отдельные мрачные эпизоды великого и правого дела, и никак не могут понять, что только зверства и были...

— Мы очень надеемся, что нам удастся переиздать в России вышедшее за рубежом, а затем хотим предложить эти серии на Родине продолжить. Ведь здесь сокровища хранятся у людей в рукописях.

— Ну а главная цель вашего приезда?

— Мой приезд — это начало нашего возвращения.

— Оптимисты говорят: Солженицын вернется. Скептики понимают, как это сложно, и сомневаются.

— Ну это просто внимательные и невнимательные читатели Солженицына. Те, кто его прочел, я даже не говорю «Красное колесо», ну «Теленка» скажем, те, конечно, понимают, что Солженицын вернется.

— Что нужно сделать для этого конкретно?

— Здесь надо еще немало положить кирпичиков. Вот в этот приезд нужно легализовать «Русский общественный фонд» в России. Это первое детище А. И. сразу после высылки из страны. Первое, что он сделал в изгнании, — официально передал все гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ» на всех языках, во всех странах безвозвратно и навсегда в этот фонд. Тогда мы жили в Швейцарии, и фонд — официальная организация, признанная швейцарским правительством. У него было две задачи: помочь физически выжить жертвам тогдашнего ГУЛАГа и другал, культурная.

— Сегодня помощь жертвам ГУЛАГа в России более чем актуальна. Бывшие узники лагерей и тюрем теперь часто обречены на полуголодное прозябание.

— Совершенно верно! Но тогда мы могли заниматься только теми, кто сидит. Помогали их женам, родителям, детям. А сейчас мы впервые можем себе позволить помогать и бывшим жертвам ГУЛАГа. Всем, конечно, помочь невозможно. В первую очередь помогаете долгосидящих, тем, кто сидел и в сталинских, и в брежневских лагерях.

— Неужели и сейчас есть препятствия в официальном признании деятельности такого фонда в России?

— Ситуация пока парадоксальная. Русский писатель написал книгу о страданиях миллионов в своей стране. Отдал все доходы от этой книги жертвам насилия, и этот фонд не признан пока только в одной стране, в России. Нет методики признания западных фондов.

— Ну прямо как в Англии, где прецедент подчас имеет си-

жешь. Любовь нельзя вырастить. Удалось или не удалось — не знаю. Вот увидим.

— Да, этот вопрос у многих возник сразу после вашего изгнания, когда вы заговорили о детях. Можно ли в другой стране вырастить человека русским?

— Старались. Язык у них свободный у всех, и не только устных. Они научились читать по-русски прежде, чем пошли в английскую школу.

— Вы собираетесь вернуться всей семьей?

— Твердо речь идет о возвращении Александра Исаевича, моем и моей мамы.

— А дети?

— Они будут решать сами. Мы надеемся, что, закончив обучение в университетах, они рано или поздно вернуться все.

— От этого зависит и ваше возвращение?

— Нет. Наше возвращение — вопрос решенный.

— Где вы собираетесь жить?

— А. И. не может и не хочет жить в городе. Нужно искать что-то за городом. Надо сказать, что я в глубокой растерянности от этой задачи. Никакой я не покупатель по складу и тем более не покупатель домов. Я себя чувствую хорошо, когда вот у меня есть комната и надо в ней расставить книги и пластинки. Это — я понимаю, а вот купить дом — для меня задача очень трудная.

— И все же есть какие-то сроки, в которые вы хотели бы уложиться с этим нелегким делом?

— Это очень сложно. У нас огромный архив, свое издательство и библиотека, и, как мне объяснили сведущие люди, найти дом, который без достройки все это вместит, практически невозможно.

— Значит, придется строить?

— Может быть, не знаю. Вообще, до нашего возвращения Александр Исаевич должен закончить все начатые вещи. Если он не завершит их в Америке, они так и останутся неоконченными. Это невозможно для писателя, это как ребенка своего убить. Не только потому, что здесь жизнь начнется совсем другой, и он хочет, чтобы она была другая. Хочет перестроить весь образ жизни, приехать сюда. А. И. не собирается никуда баллотироваться, ни занимать какой-либо пост, но хочет много общаться с людьми. В Америке для его исследовательских работ — идеальные условия, потому что он пользуется международным межбиблиотечным обменом.

— А разве нельзя им пользоваться в России?

— К сожалению, нет. Россия не входит в эту межбиблиотечную сеть. Сейчас А. И. может получить буквально любую книгу, чаще в виде микрофильмов, из любой точки земного шара. Такого счастья он в общем-то не испытывал никогда. Надо видеть его лицо, когда он получает ожидаемые книги. А здесь даже Ленинка работает с переборами. Вот почему, когда меня спрашивают о времени